Троцкий о Сибири

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН171
0151

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
«СЕВЕРНАЯ АЗИЯ»

EH171
O151

Л. ТРОЦКИЙ

О СИБИРИ

1927

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА „СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

Л. ТРОЦКИЙ

ЕН 71
О 151

О СИБИРИ

РЕЧЬ НА ВЕЧЕРЕ СИБИРЯКОВ
28 ФЕВРАЛЯ 1927 г.

МОСКВА
1927

1 эк.

ЕН171
О 151
Библиотеки
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
12/44
1062915

Москва. Главлит № 84.682. 5.000 экз.

«Мосполиграф». 16-я типография, Трехпрудный, 9.

О Сибири

1. Почему в Сибири советская власть?

Товарищи! Первый вопрос, который мы должны себе поставить, говоря на сибирском вечере о Сибири, будет, примерно, такой: каким это образом Сибирь, страна тайги, холода, безмерных пространств, бездорожья, редкой населенности,—каким образом эта Сибирь, еще совсем недавно—штрафная колония, стала советской и хочет стать и станет социалистической? Если заглянуть не в учебник географии, который нам напомнит, что Сибирь имеет пять зон: тундру, тайгу, северный лес, лесо-степь и степь,—если заглянуть в справочник народной речи и памяти, в словарь Даля, то там за словом Сибирь найдем такие слова: с и б и р к а—что значит каменный мешок, она же блошница, с и б и р н ы й — невыносимо тяжкий, с и б и р щ и н а—каторга или невыносимая жизнь, и, наконец, с и б и р с к а я я з в а. Вот те неласковые слова и образы, которые в народной речи связались с представлением о Сибири. Какими же такими путями эта Сибирь стала советской и, волею молодых своих поколений, собирается стать социалистической?

Прежде всего—ясность! Еслиб Сибирь была на свете одна или еслиб она вела изолированное существование, она бы собственными силами не стала советской. В своем нынешнем противоречивом облике Сибирь резюмирует не только свою собственную, не только историю бывшей царской России, но и мировую историю. Прежде всего Сибирь связана с Советским Союзом крепким пролетарским узлом Урала. Без рабочих Ленинграда, Москвы, Урала, Донбасса, Баку Сибирь не была бы советской. Если в европейской части Союза пролетарское меньшинство, опираясь на новую централизованную технику и, прежде всего, на железные дороги, ведет за собою крестьянскую страну и определяет ее судьбы, то еще ярче и разительнее это соотношение в Сибири, которая живет в огромной мере отражением силы общесоюзного пролетариата, так сказать индуктивным током пролетарской диктатуры. И когда мы спрашиваем, как о загадке, каким образом отсталая колониальная окраина смогла усвоить

себе ту форму государственного строя, которую мы по праву считаем наиболее передовой, тщетно было бы искать ответа не только у буржуазных теоретиков, но и у тех профессоров горе-марксистов, шаблонщиков, которые из марксизма вынули его душу—диалектику, и рассматривают историю каждой страны, как более или менее добросовестное повторение истории более старых цивилизованных стран. Они пытаются на Темзе, на Волге и на Лене найти одно и то же последовательное чередование культурно-исторических фаз. Эти горе-марксисты воображают, что марксизм состоит в отрицании особенностей национального развития. Между тем, вся суть—в понимании этих особенностей, которые являются результатом пересечения влияний географической среды, с одной стороны, международной обстановки—с другой.

Между Англией и Сибирью не только пространства, но и века истории. Англия—классическая метрополия. Сибирь, по условиям своего развития,—колония. А Россия в целом—где-то посредине между метрополией и колонией. Еслиб мировой капитализм не дорос раньше нашего до невыносимых внутренних противоречий, которые не оставляют места дальнейшему систематическому росту производительных сил, то наша страна уж конечно не вырвалась бы первой из капиталистической системы. В революции, столь смело перестроившей царскую Россию и сделавшей возможной советскую Сибирь,—в Октябрьской революции нашли свое выражение не только наши внутренние противоречия, но и противоречия высшей эпохи мирового капиталистического развития в целом. Сибирь не Англия. Но без Англии, без ее капитализма, без ее парламентаризма, без ее чартистского движения, без марксова «Капитала», написанного в Лондоне, без надлома британского могущества с 80-х годов прошлого века, без нынешнего прогрессивного паралича британской империи,—Сибирь не могла бы быть советской. Только в связи мировых процессов и противоречий можно отдать себе отчет относительно причин превращения Сибири в советскую и относительно прочности и надежности этого превращения.

Сибирь есть увеличительное зеркало наших обще-русских противоречий. У нас—пространства, а в Сибири много больше. У нас бездорожье, а в Сибири и того хуже. У нас неисчислимые естественные богатства—растительные, животные, подпочвенные; Сибирь богаче того. У нас недостаток техники, Сибирь еще беднее ею. И, как выражение всех этих противоречий на сегодняшний день, ножницы промышленных и сельско-хозяйственных цен в Сибири еще острее, чем у нас, ибо Сибири приходится свои сельско-хозяйственные продукты вывозить далеко, а промышленные продукты ввозить издалека.

Сибирь стала советской потому, что наша «крестьянская война», т.-е. борьба мужика за землю—против помещика и чиновника,—совпала с пролетарской революцией, которая, в свою очередь, стала неизбежной потому, что натянутая войной до предела империалист-

ская цепь разорвалась на самом слабом своем звене, на царской России. Значит, последние причины—в мировых отношениях и связях. Цепь разорвалась капиталистическая, но это не значит, что наши связи с внешним миром распались. Остались связи—экономические, политические, культурные, они лишь изменили свою природу. Отсталая Сибирь стала советской прежде всего силою современной техники. Могущество новой техники политически ярче всего сказывается именно на отсталых странах. Если потушить заводские печи и выпустить пар из котлов, то мы в очень короткий срок перестали бы существовать, как единая страна. Диктатура пролетариата в крестьянской стране есть сама по себе политическое выражение могущества новой техники, которая покоряет не только природу, но и косный быт. Взгляньте на Сибирь! Необ'ятный дремучий континент прорезан вдоль узкой лентой железной дороги. И весь этот материк, со своими степями, лесами, реками и богатствами, всем своим чудовищным весом висит на узкой ленте рельс, которая тянется от Челябинска до Владивостока на расстоянии 7½ тысяч километров. Именно последние, революционные годы особенно ярко показали нам, что судьба этой узкой стальной полосы есть судьба Сибири.

2. География и экономика Сибири

Советская Сибирь не чудо, а закономерный исторический продукт. Именно поэтому нельзя требовать и от советской Сибири чудес. Она не может в короткий срок преодолеть того, что заложено прошлым в ее отсталой экономике и под экономикой—в ее географии. Не раз говорилось, что география—пассивный фактор истории. Производство—активный фактор. Но активность производственного фактора состоит, прежде всего, в его приспособлении к пассивному фактору. В основе истории лежит экономика. А в основе экономики—естественная среда. Этого никогда нельзя забывать. Технически-производственный фактор является последним лишь в порядке историческом. Но под историческим или общественным порядком лежит порядок естественно-исторический. На Сибири это особенно ярко видно. Ибо при редкости населения и отсталости хозяйственных форм географическая подпочва истории естественно выпирает у ней наружу. Если взглянуть на карту, то прежде всего поражает воображение тот факт, что Сибирь кажется симметрическим дополнением к Канаде и Соединенным Штатам—это параллелограммы на двух сторонах тихоокеанского треугольника. Одни и те же климатические пояса, много общего в богатстве надземном и подпочвенном. Почему же эти две гигантские страницы разорванной книги так непохожи друг на друга?

Сибирский либеральный публицист и патриот Ядринцев к своей книге о Сибири взял эпиграфом следующие слова отца классической

экономики Адама Смита: «Колонии просвещенного общества, утверждающиеся в безлюдной и малонаселенной стране, скорее всякого другого человеческого общества двигаются к богатству и благосостоянию». Старик Смит прав. Мы это видим на Соединенных Штатах, на Канаде, на Австралии, на Южной Африке, особенно, конечно, на Соединенных Штатах с их мощным, ни с чем несравнимым ростом богатства в его капиталистической форме. Почему же Сибирь не сравнялась не только с Соединенными Штатами, но и с Канадой? Причина здесь, главным образом, в той же географии. Сибирь похожа на Соединенные Штаты, но не во всем. Для судьбы таких стран, которые представляют собой глубокие континенты, решающее значение имеют береговая линия и реки, как пути сообщения. О значении рек для первоначального развития человеческой культуры можно с пользой прочитать у Элизе Реклю и у рано умершего русского ученого Льва Мечникова. У Сибири слабая береговая линия. Правда, у нее богатые реки, но текут эти реки не туда, куда следует,—текут в Ледовитый океан. Вот если бы повернуть Сибирь вокруг оси по горизонтали на 90° так, чтобы Уралом прикрыть ее с севера, а могучие реки ее чтобы потекли в Великий океан,—тогда вся судьба Сибири была бы другой. Техника, правда, еще не дошла до того, чтобы поворачивать континетны вокруг оси или ставить их дыбом,—это делают пока только в театре Мейерхольда *(взрыв смеха)* и, чем дальше, тем лучше делают. Однако, техника подбирается к таким задачам. У американцев есть план сменить холодное течение Дэвиса теплым; выдвигается и у нас мысль насчет того, чтобы отвести холодное течение, идущее из Берингова пролива и освободить путь для теплого течения Куро-Сива. Сибирь очень нуждается в теплом душе, и осуществление этого плана могло бы иметь немалое значение для нашего северовостока. Но, конечно, гораздо ближе пока такие задачи, как дальнейшее изучение и техническое улучшение Северного морского пути или соединение Оби, Енисея и Лены с Амуром системой каналов, чтобы открыть Сибири выход в незамерзающие порты Тихого океана. Но это все искусственные пути. Искусственные пути стоят дорого. Чтобы их строить, нужны накопления. Чтобы накоплять, надо продавать. Чтобы продавать, надо вывозить. А чтобы вывозить, нужны пути сообщения. Вот почему молодые колониальные страны развиваются «по Адаму Смиту» в тех случаях, когда богато и выгодно направленные естественные пути являются предпосылкой будущих искусственных путей.

Что для Сибири означают средства сообщения—это показала Сибирская железная дорога. Когда-то спорили: строить ее или не строить? Тогдашние народники доказывали, что дорога ни к чему, что ей нечего будет возить, что она ляжет крайней тяжестью на крестьянское хозяйство и пр. и пр. Но капиталистическое грюндерство оказалось здесь право против реакционного народничества. Разумеется, дорогу строили не на средства сибирских крестьян, т.-е. не только на их

накопления: вся царская Россия строила ее, пользуясь иностранными займами. И как только дорогу построили, она сразу стала подчинять себе экономику и быт Сибири. Сельское хозяйство начало перестраиваться лицом к мировому рынку. В Западной Сибири скотоводство мясное заменилось молочным. Экспорт масла из Сибири в короткий срок достиг значительных размеров.

Преодоления вопиющего противоречия между естественными богатствами Сибири и ее технической отсталостью надо искать в экспорте. Я уже сказал, что перевод Сибири на советские рельсы не означает разрыва мировых связей и зависимостей с вытекающими из них хозяйственными возможностями. Для Сибири это означает, в первую голову, экспорт неисчислимого сибирского сырья: леса, хлеба, ископаемых, животных (диких и домашних), рыбы и производимых из них продуктов. Придется равняться по мировому рынку, чтобы победить свою отсталость. В кое-каких изданиях Сибири я читал, что, в связи с программами индустриализации, раздаются голоса о том, что сибирское сырье надо-де вывозить поэкономнее, ибо оно самой Сибири будет необходимо «для индустриализации». В корне ложная постановка вопроса! На ближайшие годы и годы индустриализация Сибири будет означать, прежде всего, такую чистку, сортировку и первичную переработку сырья, чтобы оно стало «портативнее», чтобы его выгодней было перевозить и чтобы его захотели у нас покупать. Если сравнить экспорт Сибири не с экспортом Соединенных Штатов,—нет, а с экспортом Канады, у которой население примерно такое же, как и у Сибири, около 8½ миллионов душ, то отсталость Сибири раскроется перед нами в поразительных цифрах. Канада вывезла в прошлом году сельско-хозяйственных продуктов на 900 миллионов рублей, леса на 500 мил., животных продуктов на 320 мил., а весь экспорт Канады за последний год—2 миллиарда 600 миллионов рублей. Импорт Канады—2 миллиарда руб., активный баланс по внешней торговле—600 миллионов руб. Вот это серьезный фактор индустриализации! А Сибирь вывезла за последний год всего лишь на 54 миллиона рублей. Пятилетняя программа предвидит на пятый год 150—200 мил. руб. экспорта из Сибири—не более! При этом говорить, что в интересах индустриализации надо «не выпускать из рук сырья», значило бы сейчас играть роль собаки на сене. Сама Сибирь в ближайшее пятилетие вряд ли поглотит больше 10% продукции своего сельского хозяйства и добывающих промыслов. При отсутствии у нас капиталов, серьезная индустриализация Сибири пойдет лишь рука об руку с ростом экспорта.

На ближайших своих этапах индустриализация Сибири должна обеспечить экспортную способность сибирского сырья. А это вовсе не так просто,—даже имея неисчислимые естественные богатства,—вывести их и продать. Мировой рынок—суровый приемщик и строгий критик; он предпочитает канадскую свинину свинине советской, датское масло—маслу сибирскому, он и до войны платил на два-

три рубля дороже датскому крестьянину за пуд масла, а теперь эта разница еще больше увеличилась к нашей невыгоде. Он, мировой рынок, предпочитает — такие у него вкусы — яйца голландских и итальянских кур яйцам кур советских. То же самое относится и ко льну и ко всему прочему. Успех экспорта зависит от соответствия качества, формы, подбора и упаковки товара всем требованиям и вкусам иностранного рынка. Хочешь обеспечить экспорт—равняйся по мировому рынку, а это значит для Сибири: направь индустриализацию, прежде всего, на транспорт—под'ездные пути, шоссе, железные дороги, каналы,—на создание элеваторов, холодильников, мельниц, крахмало-паточных заводов, маслодельных, сыроваренных, консервных, бэконных и пр. Вот основная линия для Сибири! Другие отрасли промышленности, в том числе и тяжелой, должны на первых порах расти, как подсобные по отношению к этим решающим для сибирского хозяйства задачам. Сибирь не одна, Сибирь—часть советского хозяйства. Индустриализация не решается по шаблону, одинаковому для всех стран и тем более—для частей одной страны. Не убегать надо от мирового рынка, а правильно и продуманно идти ему навстречу. Он подтянет и покажет, как должна нестись советская курица и какого телосложения должна быть сибирская свинья. Это, товарищи, вопрос не столь простой, как иным кажется. Для поднятия Сибири, а, стало быть, и для строительства социализма нам надо во все возрастающем количестве вывозить бэкон. Это, как вы уж, вероятно, знаете, малосольная, слегка прокопченная свинина, находящая огромный сбыт на английском рынке. Но беда вот в чем: сибиряк откармливает свинью на сало, а англичанин любит свинину нежную, с тонкими прослойками жира. Если Сибирь хочет равняться по мировому рынку, придется ей завести свинью английской белой кости. На эту британскую интервенцию мы пойдем. Я думаю, что сибирские свиньи не будут возражать против самого консервативного британского борова *(смех)*, еслиб он даже оказался единомышленником Локкер-Лемпсона *(смех, аплодисменты)*. Наоборот, чем боров «твердолобее», тем лучше... Оно звучит немного анекдотично, а между тем, товарищи, «урегулировать» курицу или свинью значит совершить немалый шаг на пути человеческой культуры. Понять и подчинить себе стихийные процессы, и в хлеву и в курятнике, это и есть целевая установка культуры. Датчанин заставил курицу нести яйца круглый год, притом одного размера и одного цвета. Это есть подлинная победа культуры под руководством еще недостигнутого нами «куриного» Госплана.

3. Стихия и сознательное творчество

(Литература — политика — хозяйство)

Тут как раз уместно будет напомнить ходячее определение марксистского социализма: «сознательное выражение бессознательного

исторического процесса». Выражение процесса и тем самым—управление процессом. Нетрудно понять, что это определение шире партийно-политической деятельности. Оно охватывает всякую вообще сознательную, планомерную, целевую деятельность человека, которая направлена на то, чтобы овладеть стихийными процессами и целесообразно организовать их, т.-е. подчинить потребностям человека. Это определение относится к искусству техники, как и к искусству политики. Технология, которая имеет непосредственной задачей практическое подчинение человеку природы, является основным по отношению ко всем остальным искусствам. Так называемое «изящное» искусство, художественное творчество, подпадает под то же определение: и оно имеет своей задачей дать сознательное выражение бессознательному процессу природы или общественной жизни. Наука это делает при помощи закона, искусство—при помощи образа.

Сибирь имеет уже свою новую литературу, как она имеет свою новую политическую систему. Творчество выдающихся сибирских писателей находит спрос за пределами Сибири; их переводят и на иностранные языки. Но в корне неправильно было бы думать, будто сибирская литература, как и советская система Сибири, есть продукт одной только Сибири. Ни Всеволода Иванова, ни Сейфуллиной, ни Шишкова, ни других, которых не называю, но которые завоюют еще себе право на имя,—их не было бы, еслиб не было Горького, Толстого, Гоголя, и в более отдаленном плане—Гюго, Гете, Шекспира, т.-е. всей мировой литературы. Но в то же время сибиряки-писатели весьма своеобычны. Чем? Органическим своим стремлением дать выражение первобытным силам природы и человеческой жизни, всем стихиям в их развороте—пурге, тайге и мужицкому мятежу. Стихия манит, поднимает, но и захлестывает сибирских художников. Это относится в значительной мере ко всей почти молодой русской литературе, которую всколыхнула или породила стихия революции (а революция не только стихия!). Но к сибирякам это относится особенно. К четырем древним стихиям—огню, воздуху, воде и земле—они прибавляют новую—Сибирь—в пурге и революции. Как у Вячеслава Шишкова в последней повести: «По белой глади едва ползет темная точка. Это человек». Потом эту точку застигает над океаном пурга. Снежная стихия бьет и треплет человека,—добьет ли на-смерть, не знаю, ибо повесть незакончена. Таковы же мужицкие мятежи у Всеволода Иванова. Пелена мятежей не белая, а красная, но она так же бьет и треплет точку-человека, как и пурга, и он, человек, так же мало, как и герой Шишкова, знает откуда революционная вьюга и куда. Сибиряки—запойные певцы мощи стихии и слабости человека. Этим они отражают Сибирь. Но этим же они рискуют привить себе слабость ее.

Я сказал уже, что не только сибирская, но вся почти молодая русская литература купается в стихии, хлыстовствует во стихии. Это

отражается и на художественной форме—на необузданном половодьи образов и слов. Это переходная стадия. У кого она не пройдет, тот ослабеет и захлебнется в стихии. Всякое искусство, в том числе и художественное, требует не подчинения материи, а овладения материей. В производстве, в жизнестроительстве это дается научной технологией. В политике обеспечивается научно подкованной партией. В искусстве—сознательным мастерством, которое опирается на обобщающую точку зрения и ставит творца выше его творения. Это не значит оторваться от стихии. Либеральное поплевывание на стихию и стихийность бесконечно чуждо нам и противно. Но нельзя и растворяться в ней по-анархически. Ее надо по-большевистски организовывать—и в природе, и в политике, и в искусстве.

Борьба за культуру в искусстве есть борьба за творческую дисциплину, за внутреннюю самокритику, за воспитание глаза и уха, за экономность слова. Сохранить способность воспринимать стихию во всей ее стихийности и в то же время обуздать свое к ней отношение чувством меры—высший закон искусства.

Сибирские советы выросли не только из того стихийного мятежа, который так прекрасно рисует Всеволод Иванов; для переворота в Сибири, кроме мятежа, нужны были партия и Красная армия, т.-е. теория, замысел, организация. Мы уже знаем, что на данной стадии советы резюмируют историю всей России, притом не изолированно взятую, а в переплете мировых влияний. В области политики, как и в области искусства, Сибирь далеко забежала вперед по отношению к непосредственному уровню своей экономической базы: художественные приемы, идеи и даже политические формы распространяются и переносятся на расстояние легче, чем железнодорожные рельсы и доменные печи.

В отношении промышленности Сибирь представляет совсем еще непочатую страницу. На эту тему распространяться не приходится. Достаточно нескольких сопоставлений. Когда-то мерили культурный уровень страны количеством потребляемого ею мыла,—это критерий Наркомздрава или его предтеч. На этот счет достаточно сказать, что Сибирь производит меньше 10% нужного ей мыла, а было бы грешно утверждать, что сибиряки злоупотребляют мылом. Потом изменили этот измеритель на другой, более глубокий: количество потребляемого металла. В Сибири на душу приходится меньше пуда чугуна, в Соединенных Штатах—больше 20 пудов. Но вернее всего техническую мощь человека измерять ныне количеством механической энергии, которой он располагает. А высшим выражением механической энергии является электричество. Данные, какие я нашел в сибирской литературе по электрификации, таковы: в Сибири один киловатт приходится на 500 душ, в Африке—на 400 душ (в Африке!), а в Соединенных Штатах—на 5 душ. Между тем, если взять запасы дремлющей энергии, то Сибирь ею весьма богата: у ней есть и уголь, и торф, и древесина, и энергия водных потоков. Одной водной энергии в Сибири

насчитали на 100 миллионов лошадиных сил, т.-е. больше, чем в Соединенных Штатах вместе с Канадой. По выкладкам Американского Геологического Института, мировой запас водной энергии составляет, примерно, 400 миллионов лош. сил. Значит, на долю Сибири приходится четвертая часть. Цифра внушительная! Но пока что она лишь ярче подчеркивает отсталость Сибири. И еще один пример насчет золота. Его в Сибири, как известно, много. На одном Дальнем Востоке числится 500 тысяч пудов золота, по 20 тысяч рублей за пуд, что составит 10 миллиардов рублей, т.-е. больше, чем в банках Соединенных Штатов. Только там это золото в банковских подвалах, а у нас в земных недрах. Недаром могущественная, индустриальная, задыхающаяся от золота Америка не прочь бы «открыть» Сибирь, богатства которой еще лишь в лесах, в земле и в воде. Вы знаете, что Америка за политику «открытых дверей»!

Эти сравнительные цифры революционным работникам Сибири нужно твердо знать и помнить. Дешев тот, кого познание своей отсталости приводит к пассивности, к опусканию рук или капитуляции. Но немногим дороже и тот, кому для сохранения внешней бодрости нужно закрывать глаза на факты и цифры. Социалистическому строительству нужны не чиновники, а люди глубокого реализма и революционной решимости.

Мы не только не владеем естественными ресурсами Сибири, но и не знаем их. Первый путь к овладению есть познание. Путь к познанию—научное исследование. Научное исследование, как и всякая вообще высокая деятельность человека, требует воли и страсти. А страсть питается ясным пониманием громадной дистанции, отделяющей то, что есть, от того, что должно быть и стать. Понимание этой дистанции не пессимизм, а научная и политическая добросовестность, которая не расхолаживает, а, наоборот, напрягает волю. Мы—народ исторически отсталый и в то же время, волею истории, поставивший себе гигантские задачи. Худшим нашим врагом может стать самодовольство. Не захлебываться в стихиях, и не бахвалиться стихиями, а покорять стихии. Высшая добросовестность в исследовании, в науке, в технике, высшая революционная добросовестность в политике,—вот что нам нужно. Историческое наследство мы принимаем с большим разбором. Многое из него мы вырвали с корнем. Многое выжгли каленым железом. В этом историческом наследстве был эдакий истинно-русский лозунг: шапками закидаем! Вот от него мы еще не полностью отделались. Шапками, особенно вшивыми, никого не закидаем. То-есть, если хотите, можно закидать и шапками. Но нужно иметь их очень большое количество. А для этого нужно уметь их производить дешево. Мы же этого еще не умеем. Научимся ли? Конечно, научимся. Нужно только по-настоящему захотеть!

4. Международное значение Сибири

Сибирь есть выход рабочего государства к Тихому океану. А Тихий океан и его побережья все более становятся ареной новейшей истории. Сейчас Сибирь—глубокий тыл Советского Союза. Но история ближайших 10—20 лет может скомандовать: «налево кругом!». Фронт—против Тихого океана, тыл—на Западе, за Уралом.

Европейцам трудно отвыкнуть от своего традиционного высокомерия. Европа в течение столетий делала человеческую историю. А все остальное было как бы второстепенным приложением. Между тем, империалистская война произвела, вернее обнаружила, гигантское изменение удельного веса Европы. Ось мирового хозяйства передвинулась в сторону Америки. За шумом империалистской войны и грохотом следовавших за ней революций это не сразу заметили. Европейцы сперва обижались, когда им на это указывали. Но факт бесспорен. Европа отодвинута на второй план, Атлантический океан уступает свое значение Тихому.

Каковы на этот счет перспективы дальнейшего развития? Есть такие охотники из европейских консерваторов, которые шепчут, причитают и колдуют над цифрами, стремясь доказать, что ничего особенного не произошло. Нет, произошло! Борьба Европы с Америкой—это борьба предприятия средней руки, с устарелой техникой, с отсталыми приемами работы, с внутренней раздробленностью и постоянными неурядицами, против гигантского централизованного предприятия, в котором стандартная работа регулируется конвейером. Для конкуренции нужны оборотные средства. У Америки их неизмеримо больше. К тому же Европа у Америки в долгу. Оговорок можно сделать сколько угодно, в том числе и верных. Но эти оговорки не меняют основного: перевес крупного и современного предприятия над средним и отставшим будет с годами только возрастать. От этого не уйдешь! Возрастать будет перевес Соединенных Штатов над Европой, Тихого океана над Атлантическим.

Дело идет, однако, не только об Америке, но и об Азии. Достаточно сказать, что до войны доля Европы во внешней торговле составляла 64%, доля Азии—всего 10%. Теперь доля Европы составляет 52%, доля Азии—около 15%. И здесь соотношение сил изменилось против Европы. На капиталистических основах для Европы выхода нет. Ее удельный вес, с неизбежными колебаниями в ту и другую сторону, будет снижаться. В этом и заложена основа революционной ситуации в Европе.

Оттесняя Европу, Соединенные Штаты подминают под себя весь американский континент (Канаду—мирно, юг—с кровью). Но главная борьба Соединенных Штатов за мародержавие будет разыгрываться на берегах и островах Тихого океана. Эта борьба, в последнем счете направленная против главного соперника, т.-е. Англии, непосредственно может ударить по Японии—за руководящую роль Америки

в экономике Китая и вообще азиатского материка. Падающая Англия пытается действовать в Китае дубьем. Поднимающиеся Соединенные Штаты—рублем, притом двойным, который называется долларом. Совершенно очевидно, что если бы Соединенным Штатам удалось прибрать к рукам Китай, это угрожало бы не только социалистическим перспективам, но и простой самостоятельности Сибири, да и всей Азии. Политика «открытых дверей» означает, что Соединенные Штаты хотят, прежде всего,открыть себе дверь в дом азиатских народов. Будущее Сибири немало зависит от того, сможет ли и сумеет ли китайский народ, все более руководимый своим пролетариатом, завладеть замком и ключом от собственной двери и отпирать ее тогда и тому, когда и кому сам захочет.

Сибирь есть сейчас великий мост между Москвой и Кантоном. О значении этой связи ярко свидетельствует история последних лет. Пока Сибирь была в руках белогвардейцев, и позже, пока Дальний Восток составлял буферную республику, революционное движение в Китае шло неуверенным, колеблющимся шагом. Чем больше упрочивался советский порядок в северной и центральной Азии, тем увереннее становилась революционная поступь китайских народных масс. Этой «интервенции» мы не отрицаем: интервенции идей, возбуждающего действия примера, заражающей силы нашего соседства. И этого не отнимут никакие ноты в мире (аплодисменты). Судьбу Сибири—повторим еще раз—нельзя рассматривать изолированно. Между Европейской Россией и Китаем, Сибирь, которую Семиреченская железная дорога теснее свяжет с Ташкентом и приблизит к Индии,—эта Сибирь нерасторжимо связала свою судьбу с судьбой пролетариата на Западе и пробуждающимися народами на Востоке.

Да, Сибирь до зарезу нуждается в исследователях, в техниках, в культурниках, в работниках всех специальностей. Но недостаточно опуститься в недра,—надо уметь удержаться на высоте. Надо уметь связывать судьбы Сибири с судьбами мировой борьбы классов. Надо найти золото, найти уголь, выплавить из руды металл,—но для кого? Нужно технику и экономику сочетать с большой политикой международного масштаба.

Сибирь областническая, Сибирь замкнутая, Сибирь, глядящая только под ноги себе—не наша Сибирь. На этом пути неизбежно было бы возрождение ограниченного провинциализма и колонизаторских тенденций: грубого насилия над слабыми инородцами, презрения к китайцу, недоброжелательства к японцу, отвращения к желтой расе вообще. Только под этой отвратительной маской шовинизма может поднять свою голову сибирская контр-революция. Только панцырем интернационализма может Сибирь оградить себя от великих опасностей, которые угрожают ей со стороны Тихого океана. Все, что сплачивает разноплеменные трудящиеся массы Азии, пропитывая их взаимным

доверием, тем самым обеспечивает будущность каждой из азиатских стран, в том числе и Сибири.

Вот эти десятки тысяч шанхайских рабочих, которые открыли новую страницу китайской революции, являются прямыми участниками и строителями советской Сибири, потому что они—участники мировой революции. Как раз в эти дни капиталистические враги обвиняют нас в стремлении «вмешиваться» в судьбы других народов. А телеграммы тем временем все с большей точностью и полнотой рисуют нам картину того, что происходит в Шанхае и вокруг него. Рядом с иностранным кварталом укрепляются иностранные войска: 3 тысячи англичан с артиллерией, команда итальянцев, две тысячи американцев на водах под Шанхаем. В Нанкин вступил полк, состоящий из русских белогвардейцев. Из Маниллы прибыло в Шанхай три американских миноносца. Французский батальон иностранного легиона отправлен из Алжира в Шанхай. А сегодняшняя вечерняя телеграмма гласит: Муссолини обсуждает вопрос, не отправить ли в Шанхай фашистскую милицию, т. к., видите ли, она «имеет большой опыт в гражданской войне». Но ведь и мы с вами имеем кое-какой опыт в гражданской войне—только с другого конца. Не значит ли это, что и мы можем отправлять вооруженную силу в Шанхай? Черносотенная сволочь Европы и всего мира пытается задушить молодой героический рабочий класс Китая и в то же время бросает нам обвинение во вмешательстве в судьбы других народов. Наше преступление в том, что мы не являемся соучастниками их насилия и палачества! Под прикрытием иностранных, т.-е., прежде всего, британских войск, контр-революцинный комиссар Шанхая повесил 50 руководителей стачки на площадях города, тогда как другие десятки были убиты тайком. А Остин Чемберлен обижается, что наш карикатурист изображает его аплодирующим палачам. Только аплодирует? Нет, посылает, наущает, дает им в руки намыленную веревку. Каждый революционер не только у нас, но и во всем мире, каждый честный рабочий в Англии если и считает себя в чем повинным сейчас, так в недостаточной силе, в невозможности вмешаться тут же, на месте, по-настоящему—крепкой рукой зажать этот отряд палачей и утопить его в устье Ян-Цзы-Кианга (*аплодисменты*).

Твердолобый Локкер-Лемпсон назвал угрожающую ноту Чемберлена «невинным овечьим блеянием»; почтенный крайне-правый джентльмен предпочел бы открытое наступательное хрюканье. Но нота Чемберлена совсем не так невинна. Помимо дальнейших замыслов в отношении нас, эта нота преследует попутно крайне важную задачу в отношении Китая: она прикрывает кровавую работу на тихоокеанском побережьи. Клика Макдональда и клейменые предатели Генсовета будут путем дипломатических ужимок и шажков «спасать» англо-советские отношения от разрыва, отведя тем временем глаза от расправы над рабочими Шанхая. Поистине трудно

решить, кто гаже: блеющие, хрюкающие или подобострастно-скулящие.

Нота Чемберлена обвиняет нас—слушайте, я прочитаю—в «навязчивой идее, которая может об'ясняться лишь укоренившейся в умах самих советских властей, возможно даже вытекающей из их характера, враждебностью» и пр. и пр. «Даже вытекающей из характера!» Им не нравится, видите ли, наш «хар-р-рактер» *(смех)*. Характер у нас действительно плохой,—может быть потому, что у нас память хороша. Наш характер воспитался в борьбе с угнетателями, в восстаниях против царизма, в событиях гражданской войны. Мы слишком хорошо помним работу Николая II, Колчака, Деникина, Юденича—всех сплошь союзников Чемберлена. Мы помним работу самих англичан на Кавказе, в Мурманске, в Архангельске и в Сибири. Там везде остались кровавые следы попыток английского империализма насиловать волю революционного народа. Мы не забыли—и не забудем!—судьбы 26 бакинских комиссаров, которых расстреливал начальник британской миссии Тиг-Джонс под общим руководством британского генерала Уоккера. Мы не забыли подлой роли генерала Нокса в Сибири. Мы ничего не забываем, такой уж у нас характер! И когда перед лицом шанхайских событий осмеливаются бормотать о наших «навязчивых идеях», то мы говорим рабочим всего мира и, прежде всего, Великобритании: вот гнусное лицемерие господствующих классов! Мы говорим шанхайским пролетариям, которые продолжили всеобщую стачку рабочих Великобритании: братья-шанхайцы, и мы через это прошли, мы это знаем и понимаем, и у нас были трудные и тягчайшие часы, когда казалось, что мы придавлены к земле и гибнем, а мы поднимались и шли вперед. Не теряйте же и вы духа в эти трудные дни! Наконец, мы говорим трудящимся Советского Союза и в первую голову трудящимся Сибири: «глаза на Шанхай! Там решается сейчас добрая доля вашей собственной судьбы»! *(аплодисменты)*.

106915

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ
УРАЛА, СИБИРИ и ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА
ЖУРНАЛА
„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

1. **Вл. Виленский-Сибиряков.**—Борьба за Советскую Сибирь (Центросибирь) 1917—1918 г. Цена 20 к.
2. **Владимир Афанасьевич Обручев.**—К сорокалетию научной деятельности. Цена 25 к.
3. **Л. Троцкий.**—О Сибири. Цена 25 к.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Н. И. Леонов.—Страна Голубой реки (Танну-Тува).

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В КОНТОРУ ЖУРНАЛА
„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“
Москва 19, Волхонка, 8.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
МОСКВА, Петровка, 7, Книжный магазин „Маяк“.
Телефоны: 3-63-20 и 4-18-12.

1р. 50к

5438

Цена 25 к.

3-й год издания

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1927 год

3-й год издания

НА ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

„СЕВЕРНАЯ АЗИЯ“

издаваемый Обществом изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, совместно с Комитетом Содействия Народностям Северных Окраин при Президиуме ВЦИК и Главнаукой РСФСР

под общей редакц. В. Д. ВИЛЕНСКОГО-СИБИРЯКОВА

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ:

проф. С. А. Бутурлина, Н. В. Здобнова, Ф. Я. Кона, проф. П. П. Маслова, В. И. Николаева, проф. В. А. Обручева, проф. В. Г. Тана-Богораза, А. Н. Черкунова, проф. А. А. Ярилова и др.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВСЕСТОРОННЕМУ ИЗУЧЕНИЮ ПРИРОДЫ, НАСЕЛЕНИЯ и ЭКОНОМИКИ УРАЛА, СИБИРИ и ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В 1927 году «СЕВЕРНАЯ АЗИЯ» будет выходить в увеличенном об'еме, и будет уделено большое внимание вопросам уральской, сибирской и дальневосточной общественности. Расширяются отделы истории Северной Азии и «Зарубежный Восток».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА, с ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ:

на 1 год (6 книг)—7 руб., на $^1/_2$ года (3 книги)—4 руб., за границу на 50% дороже.

Цена отдельного номера 1 р. 50 к., двойного—2 р. 50 к.

Комплекты «СЕВЕРНОЙ АЗИИ» за { 1925 г. цена 7 р. / 1926 г. цена 7 р.

ПОДПИСКУ и ПОДПИСНЫЕ СУММЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва, Волхонка, 8, в контору журн. «СЕВЕРНАЯ АЗИЯ». Телеф. 1-22-68.

СКЛАД ИЗДАНИЯ: Москва, Петровка 7, книжн. маг. «МАЯК» Всесоюзного Общества Политкаторжан. Телеф. 3-63-20 и 4-18-12.